

Климент

Первущин

(1947–2020)

ЛЮБОВЬ МОЯ, ПЕЧАЛЬ МОЯ И ТАЙНА...

БЫЛИННЫЕ СКИРДЫ

Село весёлое Весёловка,
Невдалеке от Иртыша,
Блестит окошками на солнышке,
И восторгается душа.

Когда-то, в пору сенокосную,
Мы пропадали на лугах,
И скирды высились роскошные,
И инструмент играл в руках.

Мелькали в небе вилы острые.
Мы с братом тучные пласты,
Себя не мучая вопросами,
Кидали в сумерках густых.

Ушли те годы соловьиные
И не вернутся никогда,
Вот только скирды те былинные
Я вспоминаю иногда.

Проходит жизнь, как ей положено.
Лишь не узнать прямой ответ
На крик души моей встревоженной:
– Так почему же брата нет?

Всё в мире нашем предсказуемо,
Но не дано нам понимать
Вопрос, похожий на безумие:
– Зачем же жить – раз умирать?

Не я один такой задумчивый
Страдаю в лучшем из миров.
Вот и приходится нам мучиться
И жить в надежде на добро.

Прости меня, село Весёловка,
Что так не вовремя взгрустнул,
Скажу по долгу и по совести,
Я испулю свою вину.

Вот этим вот стихотворением
О давнем времени чудес.
И не сердись, ты, без сомнения,
Одно из самых лучших мест!

ДАЛЬ

От Ульбы и до Волхова
Яро цвёл иван-чай.
Эх, дороженька долгая,
Стоит только начать.

Перелески да ельники,
Пихтачи, березняк.
Не одни понедельники
Есть в судьбе у меня.

Я смотрел на бегущие
В синеве облака,
О, Земля Всемогущая,
Как же ты велика!

Всюду реки с озёрами,
И вода в них тиха.
Ярко-алыми зорями
Горизонт полыхал.

От вагонной идиллии
На душе благодать.
Эх, сторонка родимая,
Ты мила мне всегда.

А состав всё накручивал
Километры пути.
За Уральскими кручами
Вновь равнинам цвести.

Матерь-Волга широкая
Проплыла под мостом,
Мчались утки забоками
Средь таловых кустов.

На приволжскую низменность
Я, волнуясь, глядел,
И открылась мне мизерность
Суеты наших дел.

Перед далью великою
Бесконечной страны,
Пред её многоликостью
На просторах родных.

От Ульбы и до Волхова
Всюду цвёл иван-чай,
Поезд алыми волнами
Провожал и встречал.

Наконец в древнем городе
Я покинул вагон.
Здравствуй, Русь, непокорная
С самых давних времён.

Струги пращуров ладные
Плыли в этих краях.
Поклонюсь в Старой Ладоге
Древней крепости я.

Помолюсь по традиции
Монастырским крестам

И святою водицею
Напитаю уста.

У шиповника колкого
Цвет девичьих румян.
Прошагаю от Волхова
На Олегов курган.

И с холма старорусского
На восток посмотрю,
Благодарными чувствами
Весь мой путь одарю.

Там Алтай, моя родина,
Где вершины в снегу.
Сотни верст мною пройдены
На родном берегу.

Скоро, горы туманные,
Вам бродягу встречать,
И кержацкою манною
На лугу привечать.

Утром вновь заколышется
Иван-чай за окном,
Над вагонными крышами
Вдруг пригрезится дом.

Манят пики священные,
Как в тумане маяк.
Мило нам возвращение
В дорогие края.

Эх вы, кедры кудрявые,
Где кедровки кричат.
Всюду запахи пряные
И цветёт иван-чай.

БЛАГОВЕСТ

Опять весна, и расцвели цветы,
Из года в год ликует мир спасённый.
Гремят ручьи, студёны и чисты,
Шумит кедрач божественно зелёный.

Поёт душа под щебет вольных птиц
И рвётся в небо, в горние высоты,

Туда, где Бог нас, грешников, простит.
Хватило б только силы для полёта.

Собрался в храмах праздничный народ,
Ведь благовест позвал людей на службу.
Над куполами ласточек полёт.
Они, резвясь, в небесной сини кружат.

Витает всюду запах куличей,
Яиц пасхальных манит разноцветье.
Мне, как молитву, хочется прочесть
Стихи о Воскресении пресветлом.

У всех в сердцах звучит благая весть,
Проникновенной, радостною песней.
И губы говорят:
– Христос воскрес!
А нам в ответ:
– Воистину воскрес!

И боль, и счастье, что сказать,
Но всё родное, кровное...
Печатным пряником вокзал
В окне неспешно тронулся.

Опять за поездом плывут
Тумана клочья бледные,
Ложась на волглую траву,
На дали многоцветные.

Под синью русских этих мест
Легко и вольно дышится.
А из-под ситцевых небес
Гармонь Рубцова слышится.

Покой и радость на душе,
И песня лебединая.
С тобою рай и в шалаше,
Страна моя любимая!

ТУМАН

Над Вологодчиной туман
Лежит тончайшим кружевом.
Идёт мужик, в руках баян,
Сыграть чего-то тужится.

Мне из вагонного окна
Видать вокруг до малости.
Здесь если стопка, то до дна,
Работа – до усталости.

Вон на перроне средь толпы
Внучат бабёнка встретила,
И, плача, матом некупным
Приезд гостей отметила:

– Да растуды-т твою, туды!
Неслись слова народные,
А после голосом грудным:
– Кровинки, мои родные!

Не закрывая старых уст,
По северному окала
И от невыраженных чувств
Себя по ляжкам хлопала.

ЮБИЛЕЙ

В тот день Выше-Ивановский белок
Подвластен был неумолимым тучам,
И сыпал дождь, приехавшим назло,
Как будто ожидая этот случай.

Мы отмечали Аннин юбилей,
Нам вовсе не мешала непогода.
Не верилось, что семь десятков лет
В судьбу её накапали по году.

Ломились под навесами столы
От деревенских пряных разносолов.
Качались в палисаднике стволы
Деревьев на событии весёлом,

Лились в округе песни под гармонь,
На тротуаре отлетали плахи,
Когда, чтоб утолить в душе огонь,
Отплясывали крепкие девахи.

Кричали под стрехою воробьи,
Подверженные общему веселью,
В душе воспоминания мои
Кружились незабвенной каруселью.

Наш дом тогда стоял наискосок,
Через дорогу, у Быструхи-речки,
Что с гор несла сверкающий песок
Среди домов деревни Поперечной.

К началу жизни возвращался я
В поляцкой староверческой деревне,
Где осознал величье бытия,
Но не дождался мудрости, старея.

У Аннушки за праздничным столом,
Влюблённые в заоблачные выси,
Мы славили Ивановский белок,
В стихах душевных излагая мысли.

И к вечеру гора открылась нам
Во всей красе среди вершин Алтая.
От лиственниц и кедров зелена,
Любовь моя, печаль моя и тайна.

С тех давних пор живет она во мне,
Когда глаза её запечатлели.
И ничего дороже в мире нет,
Чем отчий край, знакомый с колыбели.

Конечно, он нас всех переживёт,
Но нет меж нами противостоянья.
Ведь жизни кратковременный полёт
Ничто с его земным существованьем.

От встречи с ним всегда мне хорошо
И благодарен я ему за это.
– Налей нам, Анна, всем на посошок,
До новой встречи на земле поэтов!

ЗИМОВЬЁ

Николаю Герасимову

Белые дымы над Зимовьём,
За горой закат холодный розов.
Русскому без бани не житьё,
Так же, как без лютого мороза.

Каменка из кварцевых камней
Горяча, как жерло у вулкана.
– Эх, поддай, Петрович, поскорей
На неё кваском твоим духмяным.

Чтобы пар клубился над полком,
Нам открыв калёные объятия,
И вдыхался хлебный дух легко,
Загодя настоящий на мяте.

Веники, как крылья вещей птиц,
Пусть летают, обжигая спины.
Все грехи нам Боженька простит,
За обычай этот наш старинный.

Выскочив на волю, упадёшь
В снег глубокий, будто бы в бывшее,
Закричишь, как песню запоёшь,
Счастье позабытое откроешь.

И опять вернёшься в жгучий пар
С веником волшебным из берёзы,
Чтобы снова банный твой загар
Засветился раскалённой бронзой.

– Расстарайся, Коля-Николай!
Ой, помру я от жары кремешной!
Нам судьба без бани не мила,
На планете суетной и грешной.

И парилка вам – не мазохизм,
А души и тела возрожденье.
Чтобы продолжалась дольше жизнь
На десятки лет – не на мгновенья.

Выйдешь после бани на мороз,
Распахнув дублённый полушубок.
И паришь, как древний паровоз,
Обнажив в улыбке свои зубы.

...Я к тебе приеду, Николай,
Веники готовь и квас на мяте.
И смотри, не вздумай умирать,
На полке привычками распятой.

РЫБАЛКА

Чтобы сетей и бредней не плести,
Но и рыбалка удалась на славу,
В другое русло речку отвести
Решили ребятишкам на забаву.

Смесь, сооружали мужики
Из валунов надежную плотину.
И вот на обнажённом дне реки
Скользит орава по зелёной тине.

Что с рыбаками делает азарт!
Там становились взрослые, как дети.
Горел в душе далёких предков жар,
Неутолённый за тысячелетья.

Гольянов под камнями и бычков
Мы доставали голыми руками.
Пищал канюк, паря невысоко,
Рыбёшку кланчил баловень лукавый.

Над руслом крик весёлый: «Харюза!»
Друзья стремглав
к счастливчику бежали.

Останется надолго в их глазах,
Как рыбы на песке сыром плясали.

И вот уже добыча над костром,
Щекочет ноздри первобытный запах.
О, самый благодатный из миров
Я помню всё: и соль твою, и сахар!

Мне детства никогда позабыть.
Стоит в глазах давнишняя рыбалка.
Не различишь, где выдумка, где быть,
И жаль всего, и ничего не жалко.

ЗАПОВЕДНЫЕ КЕДРЫ

Мясные Вилы – древняя гора,
Три в небо устремлённых пирамиды.
Разглядывая их по вечерам,
Я что-то фантастическое видел.

Мальчишечьи всеильные мечты
Метались, всем событиям открыты,
И звали с неприступной высоты
Вселенской тайной камни-мегалиты.

Там кедры, укрепившись на скале,
Бороться постоянно не устали
С ветрами попереченских полей,
Пропахшими алтайскими цветами.

Давно умчалось детство далеко,
Но я сюда частенько возвращаюсь,
К свидетелям забывшихся веков,
К родной земле, где радуюсь и каюсь.

Теперь здесь царство леса и зверей,
Раскинул заповедник свои земли.
Гляжу на те же Вилы на горе
И космосу, что выше, сердцем внемлю.

Вдыхаю крепкий запах кедрочей,
Меж их стволами шествую неспешно.
И если спросят: – Ты, дедуля, чей?
Я им отвечу: – Я – Убинский, здешний!

СОЗВУЧИЯ

В России есть известные Тарханы,
А на Ульбе Тарханка Тарлыковых.
Но там и тут поэты, как ни странно,
Встречаются, чтоб поделиться словом.

Здесь у реки, что с гор берёт начало,
Звучат стихи о родине и хлебе
Да песни о любви и о печали,
О журавлях, курлыкающих в небе.

На островах под солнцем суетятся,
Порхают непоседливые птицы.
И кажется, что призрачное счастье
Со всеми обязательно случится.

А завтра простодушные поэты
Напишут вирши о весёлой встрече,
Жарки запольхают на рассвете
У берегов цветущего заречья.

Пусть возникают строки неустанно,
Волнуя нас весенними стихами,
В селе большом с названием Тарханка
И Лермонтова родине Тарханах.

За тысячи бескрайних километров
Мы родственное ощутим созвучье,
Что принёсло сюда бродягой-ветром
От рек и дол Расеюшки певучей.

Пускай Ульба сверкающей подковой
 Ваш новый дом спокойно огибают.
 Живите и плодитесь, Тарлыковы,
 Как казакам Алтайским подобает.

ТУМАН СУДЬБЫ

Ю. Катаеву

Как хочется опять туда вернуться,
 Болит душа усталая, хоть плачь,
 Где на залавке вольно растянулся
 Живицею пропитанный пихтач.

Святая память вновь меня уносит
 Туда, где птичий свист над головой,
 Завершены стога на сенокосах,
 И ты, дружище, весел и живой.

Мы ищем королевские опята,
 К Посту незаменимые грибы,
 Внизу, над речкой, серую заплатой
 Повис туман неведомой судьбы.

Не задаваясь мыслями, что будет
 Через неделю или много лет,
 Мы запахи вдыхаем полной грудью,
 Что приготовил нам пихтовый лес.

Собрав дары кудесницы-природы,
 Спешим к ручью, где мята высока,
 И ты идёшь, рассматривая гордо
 Бесценную начинку тусеска.

От пращуров забытых нам досталась
 Звериная, загадочная страсть
 К полярным макам на замшелых скалах,
 К грибам, что собирали мы не раз.

Теперь твоё окно обледенело.
 Глядит оттуда чёрная беда.
 Давным-давно твоё большое тело
 В сырой земле зарыто навсегда.

А над погостом острые вершины,
 Сияющий заоблачный алтарь.
 Ты и сейчас, товарищ, не покинул
 Прославленный поэтами Алтай.

ОЗЕРО ПАЛЕВСКОЕ

Юрию Колтакову, другу детства

Есть на Ивановском белке,
 Где властвует Алтай,
 На неприступной высоте
 Заветные места.

В кольце заоблачных озёр
 И водопадных рек
 Лежит, куда ни бросишь взор,
 Туман, как оберег.

Давным-давно ты здесь с отцом
 Впервые побывал,
 Волшебный этот водоём
 Тебя околдовал.

Стоит над Палевским туман,
 Но разойдётся он,
 И отразит вода сама
 Белки и небосклон.

Засеребрится рыбный плёс,
 Там в лодке твой отец.
 Когда-то он её привёз
 Сюда из дальних мест.

Не размышляя ни о чём,
 Он ловит харьюзов*,
 Что в воздух прыгают свечой
 На комариный зов.

Наполнив паймы до краёв,
 На стан плывёт рыбак.
 Удачный день и щедрый клёв
 Дала ему судьба.

Довольны были вы с отцом,
 Познав рыбацкий фарт,
 Свивались рыбины кольцом,
 Как непреложный факт.

А чтоб запомнилась навек
 Земная красота,
 Отец повёл тебя наверх
 К заоблачным цветам.

Там ниже снега на полях,
Как вид в калейдоскоп,
В тот день украсилась земля
Стоцветьем лепестков.

Слепил фиалковым ковром
Высокий горный склон,
И в самом лучшем из миров
Ты понял, что влюблён.

Упав в пьянящий аромат,
Вдруг счастье ощутил.
Объял душою Землю-мать,
В себя её вместил.

В конце земного бытия
К началу тянет нас,
Назад в родимые края,
Где круглый год весна.

Там на ветрах кедрач распят
Уже столетий пять,
Растёт ремень на россыпях,
Вкуснее не сыскать.

Вон Громатуха ручейком
Из озера бежит,
А где-то ниже, далеко
Гремит и славит жизнь.

И оглядев вершины гор,
Чтоб в сердце сохранить,
Ты понял: это приговор –
Свой край родной любить.

Теперь совсем недолго
До «Нового пути».
И если был недобрым,
Прошу меня простить.

Забрать с собой в дорогу
Мне ничего нельзя.
Раздам хоть понемногу
Долги свои друзьям.

Так много их скопилось
За прожитую жизнь,
Что всё отдать не в силах,
Как нынче ни спешу.

Не злато людям должен,
Отплату за добро,
За то, что славно прожил
Я с лирой и пером.

Давно седой и старый,
Но всех благодарю,
Как юноша, мечтаю,
По-дедовски люблю.

Всё вышло, как хотелось,
В мозгу не гаснет мысль:
Исполнил своё дело
И поднимайся ввысь!

УБИНСКИЕ РАСПЕВЫ

*Фольклорно-экологический
фестиваль, село Поперечное,
Риддерский
административный округ*

СДЕЛАЛ ДЕЛО...

Слепой, глухой, беззубый,
Хромаю по земле.
И всё на свете люблю,
И не о чём жалеть.

Я всё, что нужно было,
Исполнил, не забыл.
О, как меня любили,
Но больше сам любил.

Бабка Сигниха смотрит на землю –
Веселится родное село.
Там взросло её крепкое семя
И, отмучившись, в землю ушло.

Ей с небес всё до мелочи видно,
Как там праздник проходит внизу.
В хоровод бы ей к ним. От обиды
Наколдует старуха грозу.

* Харюз – местное произношение рыбы хариус.

Закрутив на белках непогоду,
Дождь и ветер на землю нашлёт,
Но, не глядя на буйство природы,
Будет петь закалённый народ!

Дай им, Господи, лучшие песни,
Удалой перепляс под гармонию.
Наша родина – лучшее место
На дождливый и ясный сезон.

Не испортит «Убинских распевов»
Никогда и ничё колдовство.
Поперечка, моя королева,
Ты начало пути моего.

Пусть простит меня бабка-ведунья,
Что её в непогоде винил.
Не узнать её тайные думы,
Не услышать признанья вины.

Я забуду грехи и обиды,
Возвратившись в родные места.
Земляки, на завалинке сидя,
Утоляют вокальную страсть.

Мы попросим хорошей погоды.
Не дадут, мы и так проживём.
Будем праздновать долгие годы
Мы «Распевы» свои под дождём!

* * *

Климент Семенович Первушин был старше меня на двадцать лет, и по возрасту годился мне в отцы. Он не был мне наставником и не навязывал своего мнения. Скорее, он был мне старшим товарищем, настоящим собратом по перу, который поддержит в трудную минуту. Так было с самого начала, с первой встречи в городской библиотеке имени Гоголя. Мы познакомились в начале двухтысячных. Каждый из нас к той поре имел богатый жизненный опыт, публикации в областных и центральных журналах и свой устоявшийся взгляд на мир и на окружающую нас действительность. У нас была одна общая тема – старообрядчество. Климент Семенович происходил из местных кержаков. И эта трехвековая негибимость духа предков, эта живучесть вопреки всем невзгодам, это упорство в отстаивании своей правды крепко держали его на земле. Одна из его книг так и называется – «Кержацкий сфинкс». Стихи Климента Семеновича легки и напевны, они естественны, как горная река или цветы жарки, растущие на луговине. В них нет вычурных конструкций, потому и ложатся они в песни, которые поются в народе. Некоторые строки звучат емко и кратко, как афоризмы:

Учись у ветров лучше,
Задача-то легка:
Ведь сильный гонит – тучи,
А слабый – облака.

Климент Семенович был сильным человеком. После преждевременного ухода сына, после этой страшной семейной трагедии, он нашел смысл жизни в любви к внучке и в творчестве. Мне, одному из первых, он зачитывал по телефону свои новые стихи. Он доверял мне как близкому человеку и не раз говорил, что я по возрасту почти ровесник его сына. Свои отцовские чувства он переносил на меня. На мой юбилей он посвятил мне стихотворение, которое заканчивалось строчками:

Он близок мне, скажу сегодня искренне,
Он сына чем-то мне напоминает.

Климент Семенович живо откликался на мои просьбы и всячески поддерживал меня. Бывало, я долгое время не мог написать ни строчки, ведь помимо любимого дела нужно было каким-то образом и зарабатывать на хлеб. И тогда Климент Семенович меня утешал: «Ничего, Серега, бывает! Муза – она девушка с характером, всё равно вернется! Напишешь, какие твои годы!» Была в нем душевная щедрость, спокойствие и накопленная годами мудрость.

Чему я научился у Климента Семеновича? Бесконечной любви к родине. Ведь всё его творчество на том стоит. Каждая книга – это духовные ключи. Каждый стих – как оберег, как признание в любви к своему городу, нашему Рудному Алтаю.

Одиннадцатого октября мне надо было уезжать из Риддера, я забежал в гости к Клименту Семеновичу. Мы попрощались, и он вручил мне членский билет городского объединения «Писатели Рудного Алтая». Это была последняя наша встреча. Пятого ноября перестало биться сердце самобытного русского поэта.

Когда-то я посвятил Клименту Семеновичу стихотворение, которое ему понравилось. Пусть оно прозвучит в память о моем старшем товарище.

КЛИМЕНТ СЕМЕНОВИЧ ПЕРВУШИН

Наш разговор не будет скушен,
Когда, увитый сединой,
Климент Семенович Первушин
На равных речь ведет со мной.

Да, этот старец знает дело!
Пока в росе еще трава,
Он соберет ее умело,
Как знахарь, в строки и слова.

Его кержацкие угодыя –
Весь малахитовый пихтач,
Звон рек в кедровом Беловодье –
На душу ляжет стих, хоть плачь!

Он окропит живой водою
Бумагу: встанет, как живой,
Рассвет над Белою Убою,
Закат над Черною Убой.

Взревет весною Громотуха,
Шлифуя камни-голыши.
Ему в белках – простор для духа,
И много песен для души.

В его стихах щебечут птицы,
Кукушек вещая молва
Прошла, что ожили страницы, –
Есть что-то в старце от волхва!

Цветы проснутся, оживая,
На взгорьях вспыхнет первоцвет.
Услышит Мать-Земля-Сырая,
Как славит родину поэт.

Сергей Котов

